

Михаил Ковтун

Городские сказки

A futuristic city skyline at dusk, featuring several tall, dark skyscrapers. A large, glowing planet is visible in the sky on the left side. The city lights are reflected in the water in the foreground.

16+

Михаил Ковтун
Городские сказки

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Ковтун М.

Городские сказки / М. Ковтун — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Мистика, сказки, чудеса. В общем, наша повседневная жизнь. Для тех, кто умеет слышать и видеть.

Михаил Ковтун

Городские сказки

Рыжий Пёс

Рыжий пёс вжался в угол, исходя бессильным рыком. Отчаяние металось в карих глазах. Бежать из этого тупика было некуда. Собаколовы отрезали все пути бегства. Он надеялся, хотя бы просто вцепиться в эти, пахнувшие смертью руки. Но они были опытны. Не одна сотня жизней была отнята этими крепкими руками.

Толстый ловец, со стальными клещами на длинных рукоятях, прицеливался для захвата. Его коренастый, весь в наколах, помощник уже готовил стальную трубу для последнего удара по собачьей голове. Не в первый раз. Это – работа, хотя, не стоит отрицать – она нравилась. В каждом сидит убийца. А на этой работе – можно было убивать и получать за это деньги. Если «мочить» себе подобных – либо зона, либо автоматная очередь в ответ (если идти на войну). А здесь... Псы. Жалкие псы. Родичи тех, которые охраняли лагерь. Лагерь, отнявший одиннадцать лет жизни...

Толстяк уже поднес клещи к собачьей шее, когда окружающий мир взорвался болью и сжался до кучи засохшего собачьего дерьма, куда толстяк, с шумом рухнул поросычьей рожей после страшного удара в затылок. Нанесший удар, высокий парень развернулся к другому палачу. Тот, визжа на лагерной фене, махал трубой во все стороны. Парень уклонился от свистящей, словно винт вертолета, трубы и ударил ногой в солнечное сплетение ловца. Пока тот ловил открытой пастью воздух, жестокий удар тренированными пальцами в мочевого пузырь отправил ловца в огненный мир боли. Страшной, невыносимой для человека, боли.

Парень оглянулся на толстяка. Рыжий пес, визжа от восторга, полосовал клыками жирное тело. Кровь из разорванной шеи пульсировала, каким то адским фонтаном. Парень рассмеялся. Наклонившись над бывшим эком, он быстрым ударом согнутых пальцев в шею, отправил того на очередную, теперь – вечную «командировку». Потом парень закурил и, подмигнув псу, отправился домой.

Уже подходя к дому, Антон увидел семенившего за ним рыжего пса. Пёс поймал взгляд Антона и, как то по человечески, улыбнулся. Антон хмыкнул и открыл калитку, запуская пса. Вспомнилась китайская пословица – «если кому спас жизнь – теперь отвечаешь за него до самой смерти». Пёс кивнул головой и зашел в дом. Он не отказался от предложенного ужина и, поев, вильнул лохматым хвостом и завалился спать на полу возле кресла. Во сне пёс скалил клыки и рычал. Антон налил псу миску воды и сел за стол.

В вечернее окно хмуро смотрела осень. Ветки старой черешни махали вслед ушедшему лету. Ветер гонял по двору желтые листья. Мелкие слёзы из серых туч негромко стучали по жестяному отливу окна. Мир был таким, – какой он есть... Серая, залитая слезами вечной тоски, пустыня. Он привык к ней и находил очарование в одиночестве и тишине. Но недавно ему показали другой мир – мир любви и света, мир тепла и надежды. Ненадолго показали и снова вернули назад. Жестоко, как это было жестоко. Антон матерно выдохнул воздух и скрутил голову бутылке водки. Он пил, не включая свет, лишь монитор компьютера освещал пустую комнату и спящего пса. Густое облако табачного дыма плыло по комнате, качая на себе тишину.

— Ты, это... Завязывай с выпивкой – на кресле возле Антона сидел спасённый пёс – ну, понимаю – под хорошую закуску пару рюмок. Но ты уже бутылку допиваешь под кусок черного хлеба с солью. Сопьёшься. Зачем? Не мотай головой – не глюки это. Ну разговариваю я с тобой. Меня вон удивляет – как из нефти колбасу делают. Я ж рот до земли не открываю. Чего только на свете не бывает...

— Кто ты? – спросил Антон

— Ретроградной амнезией не страдаешь? – съязвил пёс – забыл – как мы с тобой палачей покарали? Спас ты меня. Теперь должник я твой. Буду тебе дом охранять, еще, чем смогу – помогу. Друзьями будем. А я умею дружить.

— И как звать моего нового друга? – Улыбнулся Антон

— Как? Да пожалуй зови меня – Рыжий. А то Иваном Аристарховичем слишком вычурно для собаки. Да – Рыжий подойдет. Шёл бы ты спать. Хватит жрать эту гадость.

Антон добрёл до кровати и рухнул в неё, бормоча –« Иван Аристархович... Рыжий.. говорящий пёс из нефти.. колбаса .. палачи». Он забылся тяжелым пьяным сном. Пёс фыркнул и, взяв зубами бутылку, вынес её из дома. Он заглянул в лицо спящего и вздохнул. Потом лёг поперёк дверей и заснул чутким сном настоящего сторожевого пса.

Дни текли за днями. Пёс освоился в доме. Чужие коты, раньше в наглуго устраивавшие тусовки прямо под окнами, теперь обходили двор Антона стороной. По вечерам Антон и Рыжий долго говорили обо всем на свете. Иногда звонила Она, и деликатный пёс уходил из комнаты, не желая мешать разговору друга с любимой. После этих бесед Антон долго смотрел на Её фотографию. Он говорил псу – « Ждёт она меня. А я.. Я нищий. Мне хочется –что б она была счастлива. Будет ли она счастливой с нищим токарем? Нет!» Пёс матерно лаял и кричал в лицо Антону –« Дятел! Ей нужен ты! Она любит тебя!» Антон хмыкал и замолкал, уставившись в серое дождевое окно.

Однажды пёс подошел к Антону и сказал –« Надо дня на три отлучиться. Тут мимо кореша пробежали. Сказали – сука моя с щенками голодает. Надо отнести чегонибудь . А то , может к себе возьмем? Собака она хорошая. Говорить не умеет – не бойся. Только мне мозги сушить будет». Антон согласно кивнул головой. Пёс тревожно посмотрел в его лицо. « Ты что-то задумал... Мне страшно за тебя. Я же чувствую. Не делай ничего –пока я не вернусь. Две головы лучше, пусть одна и собачья».

Закрыв за псом калитку, Антон вернулся в дом. Он вытащил из под кровати старую дорожную сумку. Оглядевшись вокруг, он расстегнул «молнию» сумки. В свете серого осеннего дня матово блеснул ствол автомата. Он купил этот автомат и магазин патронов по случаю, дёшево. Оружие само шло к нему в руки. Этот ствол был лотерейным билетом. Выигрыш – уютный дом и жизнь с любимой... Проигрыш – смерть. Игра стоила свеч. Сегодня он возьмет банк. Это единственный реальный шанс достать денег. Десантный автомат удобно лег под осеннюю куртку. Антон выпил полстакана водки и поклонился старой фамильной иконе на стене. Ему показались слёзы в уголках глаз потемневшего лица.

Загнанный зверь, оставляя кровавую дорожку, забился в нору. Зброшенные развалины у обрыва. Подход к развалинам простреливался отлично. СОБРовцы не шли на штурм, потеряв двоих ранеными. Но и деться из этой развалившейся будки – было некуда. Западня. Антон лежал на полу, держа автомат в левой руке. Пуля мента перебила ремень сумки с деньгами, под которым была ключица Антона.

... Он уже взял деньги, посетители и охрана лежала мордами в пол... Но тут подлетела машина УО. Пришлось уходить с боем. Один ВОХРовец ткнулся лбом в землю и затих. Второй залёг за машиной, и яростно поливая автоматным огнём, кричал в рацию о подмоге. Сумка с деньгами, его шансом на лучшую жизнь, лежала на открытом месте, куда летели пули из ментовского автомата. Вдали слышался вой сирен. Антон, истекая кровью, бросился бежать...

И вот она – конечная остановка. Развалившаяся будка над обрывом моря. Мелкий осенний дождь, кровь из пробитого плеча, пара десятков обозлённых СОБРовцев... Антон смотрел в серое небо. Не было страха. Была лишь обида. Обида на этот жестокий мир. И был автомат с пятью патронами.. Вдруг сзади раздался шорох.

Из небольшого лаза протиснулся, весь в пыли и паутине, Рыжий. Пёс горестно вздохнул –« Просил же тебя. Что ж ты наделал??» Антон просто промолчал в ответ. Очередь из

милицейского автомата высекла струю кирпичной пыли из стены над головой друзей. Рыжий долго смотрел в лицо Антона. « Ты ведь больше всего хочешь увидеть Её, так?» – спросил пёс. Антон кивнул головой. « Увидишь!» – решившись, сказал пёс. « Не так, как ты хотел бы – но увидишь! Выход – один. Через этот лаз уйти может только пёс. И этим псом будешь ты. Мы поменяемся телами. Ты в моей шкуре рванешь к любимой. Я в твоей навстречу автоматным очередям. Так надо! Тебя ждут. Меня уже нет. Нет больше серой пятнистой суки с веселыми щенками. До чего ж вы жестоки, люди! А тебе ... Тебе есть к кому бежать. Смотри мне в глаза и не сопротивляйся...»

Пёс затынул странную горловую песню. Вокруг по битому кирпичу забегали зелёные всполохи. Полыхнуло оранжевое пламя. Ушла боль из простреленного плеча. Антон махнул лохматым хвостом. Рыжий улыбнулся и подтолкнул Антона к лазу. Потом он выщелкнул патроны из магазина, вставил его на место и открыл дверь развалившейся будки. Десятки свинцовых ос проббили тело, бывшее тело Антона – в котором так недолго прожил его настоящий друг.

Рыжий пес горестно воя нёсся прочь от проклятых развалин. Он бежал не разбирая дороги. Прочь! Прочь из этого жестокого города! Он бежал дни и ночи. Ел с мусорных баков и пил из луж. В него кидали камни и пытались сбить колесами машин. Но он бежал. И вот знакомый город, где жила Она. Рыжий пёс сидел у Её подъезда, и вот открылась дверь.

Женщина с добрыми, заплаканными глазами шла в магазин. Увидев худого, с запавшими боками, грязного пса она протянула ему кусок хлеба. Вдруг она вскрикнула. В глазах бездомной дворняги она увидела глаза любимого, погибшего полгода назад в далёком городке. Она медленно опустилась на ступеньки подъезда. Рыжий бродяга уткнулся мокрым носом в её ладони....

Кошачий ангел

...Кошки грелись на солнце, дрались и любили друг друга..С презрением и опаской смотрели на , пробегающих мимо, бездомных собак. Прятались от людей и с недоумением смотрели им вслед..Кошки не понимали причин этой тупой жестокости и черствого равнодушия со стороны двуногих. Кому они мешали? Разве , что по ночам...Когда раздирающий душу вопль был способен свести с ума любого. Кошки пытались сказать людям – что если бы не было их, город бы заполнили огромные серые крысы. Несмотря на жестокость людей , кошки исправно защищали их от грызунов.

Близился вечер. Со всех сторон ко второму подъезду старой пятиэтажки стали собираться коты и кошки всех мастей. Они с нетерпением смотрели на дверь , откуда должна была показаться Она, их защитница и добрый кошачий ангел. Пожилая , опрятная женщина. Она выносила кастрюлю с едой и пачки салфеток – каждой кошке полагалась порция на отдельной салфетке. Кошки чинно рассаживались под стенкой и ели , пусть не деликатесную , но сытную , с мясом и рыбой, кашу. Женщина смотрела на своих хвостатых друзей и в , всегда печальных , глазах светилась доброта.

Её ненавидел весь дом. Ей в спину плевали и злобно шипели оскорбления – « кошачница!! Развела здесь свору! Сумасшедшая – тратит на них всю пенсию! Надо сдать её в психушку! .» Но ей было все равно. Она не хотела принадлежать к этому миру людей. Много лет назад этот мир убил её наповал. Сперва , на одной из бесчисленных войн , что вела великая империя по всему земному шару, погиб её муж..Она поседела и выплакала глаза, но держалась. Она нужна была сыну. И через несколько лет, осужденный за чужие грехи, её сын умер на пересылке, где то под Пермью..Как она хотела умереть!! Но этот мир держал её своей стальной хваткой. И вот теперь кошки..только кошки скрашивали её жизнь. Она знала их всех в лицо. Знала их повадки и привычки. Если кто то из кошек болел –она везла их к ветеринару и щедро платила свои нищенские гроши за лекарства. Она резко вступалась за кошек, если кто то пытался обидеть их. И люди предпочитали не связываться с помешанной...

Кошки закончили свою трапезу и ,спев своей хранительнице добрые песни, разбрелись по своим кошачьим делам. Надо было погонять по подвалу мышей, отвесить оплеуху наглой собачонке из второй квартиры, разобраться с сытым кастрированным котом из пятой...дел было много. Она собрала использованные салфетки и выбросила их в мусорный бак. Пора было идти в магазин , запасы крупы и консервов для питомцев подходили к концу.

...Сердце рвануло болью и гневом. Окружающий мир сузился до старого каштана, стоящего у магазина. Жирная , противная морда « нового русского» ... его бультерьер, разинувший смертельную слюнявую пасть над рыжим комочком и растерзанные тела кошки-матери и четверых котят..Гнев, праведный гнев дал ей сил. Она схватила красноносую машину смерти за задние лапы. И визжащий белый шар полетел в лицо своему хозяину. Быстрым движением она сунула последнего котёнка за пазуху. И повернулась к « новому русскому». В её глазах было столько силы и правды , что нувориш просто плюнул и не стал связываться с сумасшедшей. Он сунул, рвущегося из рук бультерьера в джип и матюкнувшись уехал прочь.

Она принесла котенка домой. Рано было ему на улицу к собратьям.. Она забрала бы с улицы всех кошек, но ,живущая с ней , её сестра была категорически против. Но уж этого бедолагу она не отдаст никому! Котёнок немного похлебал из миски простокваши и затих на старом кресле..Близилась ночь и пора было спать.

Она проснулась от прикосновения кошачьей лапы. В окно лился свет волшебной, громадной луны. Впервые , за долгие годы, сердце билось легко и без боли. На её груди сидел маленький рыжий котёнок и гладил своей лапкой её лицо..

– Вставай – сказал котёнок – это волшебная ночь. Ты вынесла слишком много горя , но не утратила душу. Твоя доброта грела этот остывающий мир. Мы кошки – волшебные существа. И иногда , мы дарим подарки очень хорошим людям. Ты спасла маленького котенка, рискуя своей жизнью. Сегодня ночью соберемся мы все , спасенные тобой, – подобранные на помойках и накормленные, вырванные из зубов собак и рук ужасно злых детей, подыхавшие от болезней и вылеченные твоей добротой...Мы соберемся все вместе и откроем тебе Дверь. Дверь в другой мир , где сидит и ждет тебя твое счастье. Поверь, ты заслужила это. ...Вставай и пошли. Время близится..

– Все-таки я сумасшедшая – подумала женщина – ну и пусть. Пусть я не от сего мира, мира жестокости , потерь и боли...пусть будет так. Я очень, очень устала жить..

Она встала с кровати и оделась. Котёнок ждал у дверей, нетерпеливо поглядывая в окно. Они вышли из подъезда на улицу. Сотни кошачьих глаз зеленым светом освещали раздолбанную лавочку у подъезда. Женщина растерянно села на лавочку. Мурлыканье десятков кошачьих глоток нарастало и превращалось в ,какое то, странное звучание. Оно окружало вязким и теплым туманом. Оно превращалось в странную песню , песню не этого мира. Песня становилась все сильнее, огоньки кошачьих глаз превращались в зеленый круг. Исчезали убогие дома и мусорные баки, таял этот мир. Мурлыканье достигло апогея ,и к ногам женщины упала с неба звезда. Пред ней в воздухе сияла нежным светом Дверь, распахнутая и зовущая войти..

– Иди –сказал котёнок – иди и ничего не бойся. Время страха и боли прошло.

Она улыбнулась и вошла в Дверь. ...Запах, одуряющий запах прекрасных цветов. Ласковое солнце нежно гладило лучами её лицо. Теплый ветер играл её волосами. Она шла по неширокой тропинке к цветущему саду. Деловитые пчёлы сновали между нежными цветками на ветках яблонь. Птицы задорно щебетали над её головой. Тропинка закончилась у простого деревянного стола, на котором кипел огромный самовар . За столом сидели двое мужчин. Они обернулись на звук её шагов.

Знакомая улыбка её мужа залила светом забытой любви её душу. Крепкие руки сына обняли её плечи. « Мама, мы так ждали тебя! Ты так устала – я напою тебя чаем. Теперь мы всегда будем вместе. Не плачь, Мама.»

Маленький рыжий котенок смотрел на семью счастливых людей. Он одобряюще покачал головой и вернулся к Двери. Котенок прошел через дверь и она исчезла. Перед ним снова был жестокий мир болезней и злобы. Где то там светились угасающим светом любви добрые души, заслужившие покоя. Котенок, не по кошачьи, вздохнул и вскинув вверх маленький, рыжий хвост двинулся в ночь.

Кусочек Неба

Вонь базарной площади. Протухшая рыба и гнилое мясо. Рыбья требуха и сгнившие овощи. Торговки с бородавками на жирных, невымытых лицах. Нищие с отвратительными язвами и струпьями на искореженных телах. Серые тупые лица обывателей. Худые, облезлые уличные псы. Крысы в тени помойных корзин. Солидные горожане в провонявшихся потом и салом, камзолах. И над всем этим величание огромного собора и голубое небо с белыми облаками. Не могли эти отвратительные серые хари создать такую красоту собора, не могло светить солнце этому серому грязному аду...

Он шел, осторожно переставляя ноги в кандалах. Не хватало еще поскользнуться на нечистотах – на потеху этому сброду. Кружилась голова, отвыкшая от открытого пространства в долгих каменных мешках темниц. Стражники лениво подгоняли его тычками прикладов, годами не чищенных мушкетов. Глашатай, провалившимся от сифилиса носом, нес в жирных руках приговор городского суда. Вот и последняя остановка. Грубо сколоченная из сучковатых брёвен виселица. Он равнодушно сплюнул под ноги стражникам и шагнул на эшафот.

Палач деловито проверял надежность узла на, выдавшей многих интересных людей, верёвке. Священник из городского храма задумчиво вертел на цепочке распятие, чему – то улыбаясь. Они оба просто делали свою работу. Каждую субботу кого – то надо было вешать одному и напутствовать в последний путь другому. Человек в кандалах улыбнулся им обоим. Он не питал к ним зла. Работа – есть работа. Попадись они ему пару месяцев назад – их смерть была бы более ужасной. Он прислонился, избитой кнутом, спиной к шершавому столбу виселицы. Кряхтя и отрываясь после сытного обеда, на эшафот взобрался глашатай. Он развернул замызганный свиток-

– Вольные граждане нашего города – недоенной коровой взревел глашатай -достоинственный суд свершил правосудие! Он приговорил к смертной казни, через повешение, кровавого убийцу и разбойника, еретика и бунтовщика, именующего себя, Мишелем из Нанси. Здесь и сегодня этот злодей окончит свой кровавый путь! Да свершится правосудие! Слава Всевышнему!

Глашатай слез с эшафота, словно жирная курица с насеста. Виселицу окружала серая грязная лужа людских глаз. Священник, что – то бормоча себе под нос, протянул распятие приговоренному. Он лишь резко мотнул головой. Палач, морщась от боли в искореженных артритом руках, набросил грубый узел колючей верёвки на шею разбойнику. Он повел головой, инстинктивно пытаясь ослабить удавку. « Твоё последнее слово» -равнодушно сказал палач. Мишель обвел глазами рыночную площадь. « Что я могу сказать им? Они слепы, глухи и немые. Это разве люди?» « Как хочешь» – передернул плечами палач.

... Что им рассказать? Как однажды в Нанси приехал бродячий цирк? Совсем юный Мишель стоял у дырявых шатров и распатанных повозок. Что – то привело его в тот день на площадь. Он не любил цирк, он любил читать. Но в этот день ноги сами несли его к дырявым шатрам. Мишель стоял и смотрел, как в тихом закутке, заходилась в чахоточном кашле фокусник из бродячего цирка. Маленький горбун со сморщенным лицом. Увидев, наблюдающего за ним, юношу горбун усилием воли остановил кровавый кашель. Он подозвал Мишеля взмахом трясущейся руки. Тот, как зачарованный, подошел.

– Ты хочешь увидеть небо, юноша? – Чистым и глубоким голосом спросил горбун.

– Я вижу его каждый день – ответил Мишель

– Нет... Ты не видел его – слабо улыбнулся горбун. Он полез в свои лохмотья и достал неожиданно- чистую тряпицу. Мишель взял тяжелый узелок из рук горбуна. Развернув его, Мишель остолбенел. Сгусток ярко-голубого света манил к себе и звал куда – то вдаль. Музыка, неслышанная на земле, будила в душе непонятные чувства. Сердце билось в ритм этой музыки.

– Что это? – охрипшим голосом спросил юноша

– Это кусочек неба – очень тихо ответил горбун. Приступ кровавого кашля снова согнул его в дугу. Отдышавшись, он провел рукой по, покрытому испариной, лбу. – Это кусочек неба. Того настоящего, чистого неба, которое не каждому дарит свой свет. Его надо вернуть на место, здесь, в этой грязи его свет заболит и умрёт. Как умираю я. Ты вернёшь его на место! Слушай меня...

Далеко – далеко от нашей любимой Франции есть суровая холодная страна. Там живут хмурые, не улыбкающие люди. Они строят храмы с крышами из чистого золота. На севере этой страны, у берега последнего океана, стоит древний храм. Его колокольня касается самого неба. На верх колокольни ведет лестница со ступенями из чистого серебра. Только по ним можно подняться к небу. Но, на этой лестнице не хватает многих ступеней. В тех местах была война. Захватчики ограбили храм и искорежили лестницу. Местные жители пали в бою, защищая свою святыню. Этот храм, занесенный снегом, стоит пуст. Ты найдешь этот храм и восстановишь лестницу. Надо будет много серебра, я не знаю – где ты его возьмешь. Но – ты увидел небо и не сможешь больше жить как все. Не сможешь....

Горбун несколько раз со свистом втянул воздух. Вдруг его лицо разгладилось и стало умиротворённым. Он ушёл к небу, позвавшему его. Мишель медленно побрел домой, прижимая к груди сверток с кусочком неба. Он знал, что теперь он должен. Должен восстановить лестницу и вернуть кусочек неба на его место. Где же взять столько серебра? Его семья бедна. Он шел и думал, много думал... Ступени из серебра заняли все его мысли.

Он взрослел. Пытался работать, торговать. Но, это не приносило денег. Он не сумел сделать даже одну ступень, а их надо было много. По вечерам Мишель разворачивал подарок горбуна. Голубой свет заливал убогую комнатушку, кусочек неба просил его помочь. Он плакал от своего бессилия, но ничего не мог сделать. И, однажды, в приступе отчаяния, он взял старый кинжал и ушел в ночь, на дорогу связывавшую Нанси с Парижем. В эту ночь он впервые убил. Убил ради своей мечты. Он принес, заляпанный кровью, кошель торговца домой. Там было даже золото. « Этого хватит уже на пару ступенек» сказал он кусочку неба. Но – ничего не услышал в ответ. Ему показалось, что свет его мечты потускнел. Мишель решил, что кусочек неба умирает от тоски по великому огромному целому. Надо торопиться – решил он. В одиночку грабить можно было только, оставших от собратьев, купцов. Мишель собрал ватагу бандитов. Вскоре слава о его « ночных сторожах» разнеслась далеко по округе. Его именем стали пугать детей. Он грабил и убивал сопротивляющихся, в поисках серебра банда Мишеля несколько раз совершала налёты даже на церкви. Разделив добычу с лесными братьями, всё остальное Мишель нёс знакомому ювелиру. Тот превращал золото и драгоценности, шелка и одежду в серебряные ступени, не забыв получить свою десятину. Росла куча ступеней в тайнике Мишеля, но с каждым убитым и ограбленным всё тусклее становился кусочек неба... и, однажды, он потух совсем.

Мишель рыдал, на глазах изумлённых бандитов, над куском серой слизи в старой тряпке. Кусочек неба умер, жить стало незачем. В эту ночь, ближе к утру, их лагерь окружила городская стража. Бой был недолгим. Не отошедшие от сна, полупьяные бандиты сопротивлялись недолго. Лишь сам Мишель бился как раненый зверь. Он искал смерти. Но, его сумели взять живым. Его долго пытали, стараясь узнать – куда он дел награбленное. Мишель лишь улыбался

... И вот он –конец всего. Он так и не выполнил просьбу горбуна, он не уберёт кусочек неба. И это пугало больше, чем, накинутая на шею, верёвка. Он услышал – как священник закончил бормотать молитву. Что то провалилось под ногами и резко щелкнуло в шее. Его

безжизненная голова запрокинулась в небо. Там, среди белых облаков, в тепле голубого света сидел на облаке горбун из детства Мишеля. Он смотрел вниз, на базарную площадь, и чему – то печально улыбался. А вокруг было только бесконечное чистое небо...

Певичка

За окном кружили огромные белые снежинки. В свете редких фонарей снежинки искрились и мерцали. Город становился непохожим на себя. Исчезали голые деревья с обломанными ветками. Грязные разбитые дороги становились белыми и гладкими. Даже кучи мусора, рассыпанные возле мусорных баков, становились просто сугробами. Наступившая ночь добавляла волшебства в картину окружающего мира. Почему то верилось в чудеса, и не хотелось верить в серую злобу реальной жизни. Хотелось верить в то, что город на самом деле белый и чистый, что в нём живут хорошие, добрые люди. Хотелось зайти к ним в гости и пить чай из больших цветастых чашек, с домашними пирогами. Хотелось говорить с ними о детях и кошках. Хотелось смеяться.

Резко пискнул мобильник. Смс от оператора. Счет почти пуст. Да и пошли они все! Некому звонить. Она отвернулась от волшебной картины окна и стала собираться на работу. Работа... Певичка в дешевом кабаке. Выпускница музыкального училища, ей пророчили будущее. Её будущее оказалось грязной эстрадой в прокуренном и воняющем зале кабака. Она хмыкнула и достала косметику. Всё – же надо выглядеть пристойно. С годами убирать морщины и темные круги под глазами становилось все труднее. Время безжалостно. Скоро подошедшую старость не скроешь никаким гримом. И тогда... Тогда она просто доживет до зимы, выйдет на лёд залива и пойдёт. Она просто будет идти до самой смерти, она упадет обессиленная на лёд и заснёт. А проснётся уже в другом мире. В мире, в котором её кто-то любит и ждёт.

Она взглянула на часы и охнула. Пора бежать. Иначе опять истерика руководителя их группы. А смотреть на, брызжущее слюнями, жирное, редко умываемое лицо просто не было сил. Да и штраф получать не хотелось. Скоро платить за квартиру. Сапожки вот то же надо новые. У матери скоро день рождения. Надо послать ей в деревню хоть коробку конфет да пару пачек хорошего чая. Братец – куркуль удавится – а не разорится на хороший чай. Фермер, еттить! Он забрал мать к себе лет десять назад. Забирал со скандалом. Приехал за ней на машине и вынес мамины вещи. Потом тащил мать за руку и кричал – « Как ты можешь жить в одной комнате с этой проституткой?!» Мать сгорбленная и сильно постаревшая – молча, смотрела ей в лицо. А она, мучаясь с жесточайшего перепоя, не могла сказать ни слова. Мать заплакала и села в машину брата. Больше они не виделись. На день рождения она отправляет в деревню скромные подарки, в ответ – тишина. Нет даже жалкой открытки. Она гонит от себя мысль – « А жива ли еще мама?» Она решила обязательно съездить туда. И плевать на братца и его свиноподобную жену! Она имеет право увидеть мать! Всё! Некогда предаваться воспоминаниям. Она неслась по темному зассаному подъезду, рискуя вывернуть ноги. У подъезда прогревал мотор старенький « жигулёнок » с облезлыми шашечками на вмятом боку. Сосед дядя Коля собирался ехать в ночную.

Она плюхнулась на переднее сиденье и сунула в рот сигарету –

— В кабак, дядя Коля. Двести рваных – твои.

— Понятно, что в кабак, а не в церковь. – Тихо вздохнул старый таксист.

Он помнил эту потасканную певичку еще молодой, задорной девчонкой. Когда она пела – собирался весь дом. Старухи у подъезда слушали звонкий чистый голос и вытирали глаза уголками платков. Нет больше тех старух, нет больше той девчонки. Он помнил её любовь. Молодого офицера с непокорными русыми волосами. Как она ждала его с войны! Она не отходила от телевизора, боясь пропустить новости из Чечни. Она постоянно бегала в церковь, на старом кладбище. Старушки на лавочках кивали седыми головами и вспоминали, как они ждали с фронта мужей и братьев. Потом они шептали « Есть настоящая любовь на свете » и мелко крестились, глядя подслеповатыми глазами на потускневшую позолоту купола старой церкви. Тот

офицерик вернулся с войны живой. С орденами и... молодой женой, дочерью своего командира. Она ничего не сказала ему, просто что – то умерло в её глазах. Она разорвала приглашение в Москву, от какого – то известного в мире музыки, человека и надолго заперлась в своей комнате. Таксист помнил – как плакала Любаша, мать певички. Потом Люба уехала к сыну в деревню, оставила квартиру Зойке, нашей певице. А певица потихоньку спивалась. Она нашла работу в дешёвом ресторанчике. И теперь её охрипший, но все – же красивый голос пел по вечерам блатняк для всякого сброда. Часто она возвращалась не одна. Всегда хорошо выпившая. Её кавалер стыдливо исчезал утром. Исчезал что бы больше не возвращаться. Дядя Коля горестно вздохнул. Ему было до слёз жалко эту дурочку. Но ничего сделать он не мог. При попытке поговорить по душам, Зоя срывалась на матерный лай. Слушать поток грязных слов от той, которую помнил еще девчонкой, было невыносимо. И таксист бросил это неблагодарное занятие – разбудить чужую душу.

Он затормозил у тусклой витрины ресторана. Зоя кинула ему две желтых сотенных бумажки и выскочила из машины, оставив запах духов и сигарет. Дядя Коля резко вдавил педаль газа и его старая «шестёрка» рванула в темноту ночных улиц. Зоя вбежала в ресторан. На эстраде уже собралась группа. Клавишник Мишаня наигрывал что то из Круга. Гитарист Андрюха торопливо зажевывал бутербродом с паршивой колбасой только что опрокинутую «сотку». Ударник, уже накативший дозу и немного повеселевший, курил, пуская кольца в давно не крашенный потолок. Руководитель ансамбля постукивал толстыми пальцами по пачке «Уинстона». Он резко повернулся к ней –

— Ты совсем оборзела, коза? Уже полчаса – как ты должна петь! Я ж тебя вые... и высушу!

— Да пошел ты! Кого ты там вые...шь? У тебя там все уже заржавело. А высушить... Ты петь будешь? Так тебе только в вытрезвителе петь, что б клиенты быстрее проблевались и к женам запросились!

Она прошла мимо остолбеневшей туши на эстраду. Мишаня подмигнул ей. Кактуса не любил никто. Но он умел собирать деньги и находить халтуры. Поэтому его терпели и делали вид, что слушались. Прозвище свое руководитель их ансамбля получил после одного концерта. Он очень разозлил братву с рынка. Они схватили, стоявший на подоконнике кактус... Врач-проктолог, оказавшийся соседом Мишани, в подробностях рассказал ему операцию по извлечению несчастного цветка из потаённого места руководителя. Кличка Кактус прилипла к нему намертво.

Она взяла микрофон. Для начала, чтонибудь бодрое. «Бублички» что ли... Мишаня кивнул, Андрюха, через раз попадая пальцами по струнам, тоже включился в музыку. Хмурый ударник отбивал ритм на облезлых барабанах. Между столами заплясали поддатые клиенты. Их, дикарски накрашенные, бабы визжали и старались громко бить каблуками в грязный бетонный пол. Зоя пела весёлую песенку времён НЭПа и смотрела в зал...

Всё – как всегда. Мелкие сошки из «братвы», торгаши с рынка, несколько «мусоров» в штатском, шлюхи, молодняк, видно удачно подстеревший ночью несчастного прохожего, пара работяг, сорвавших шабашку. Паленая водка в красивых бутылках. Грязные скатерти на столах. Вонь подгоревших на гриле окорочков. Густые клубы табачного дыма. Замотанные официантки, смертельно скучающий бармен. Тоска. Страшная тоска пьяного разгула. Она допела песню и взяла рюмку водки, протянутую ей Мишаней. Резко выпила и замотала головой. Сегодня водка – особенно воняла ацетоном. Зоя торопливо запила эту мерзость стаканом яблочного сока. К эстраде подошел, покачиваясь, работяга. Он сунул Кактусу двести рублей и повернувшись к Зое, вдруг улыбнулся – «Спой, девочка «журавли». Кактус вальяжно кивнул. Оркестрик выдал первые такты танго...

... Когда она пела последний куплет песни –

Дождик, холод, туман, непогода и слякоть

Вид унылых людей и угрюмой земли
Что ж так больно душе? Что ж так хочется плакать?
Перестаньте рыдать, надо мной, журавли...

Она подняла глаза в зал. Её словно ударило электрическим током. У дверей стоял высокий русоволосый парень. Он, не отрываясь смотрел в её лицо. В его глазах не было грубого мужского желания, там искрилось и переливалось что – то другое. То, что она, когда то видела в глазах молодого офицера, которого провожала на войну. Песня закончилась. К эстраде вразвалочку шел один из гулявших бандитов. Он барским жестом кинул на стол Кактусу «пятихатку» и ухмыльнулся ей – « Слышь, коза... давай « Кольщика». Вдруг бандюка развернуло вокруг своей оси и грязный пол неожиданно впечатался ему в лоб. Парень, стоявший над ним, укоризненно сказал –« Нельзя так разговаривать с Певницей!» Он кинул на стол Кактусу несколько серых бумажек с портретом американского президента. « Сегодня госпожа Певница будет петь только то, что сама пожелает. Возражений нет?». То ли от вида, давно забытых, долларов... то ли от уверенного взгляда парня, Кактус закивал, соглашаясь, головой. Парень повернулся к Зое – « Спойте, пожалуйста, то, о чем поет и плачет Ваша душа». Он сел рядом с Кактусом и неотрывно смотрел на Зою. Очнувшийся бандит сунул руку за пазуху куртки, но на его плечо легла рука старшего их « бригады» – « Стоять, баклан. Нам палиться нельзя. Пусть гуляет фраерок, закроется кабак – придет наше время». Бандит, ворча и матерясь, вернулся за стол к своим.

Зоя несколько минут смотрела в глаза парня. Потом она улыбнулась детской, беззащитной улыбкой и взяла в руки микрофон. Она сказала несколько слов Мишане – и тот удивленно вскинул брови вверх, но согласно кивнул. Зазвучала музыка, она прикрыла глаза. По удивленному и замолкшему залу ресторана поплыл чистый, лишившийся блатной хрипотцы, голос певицы. Она пела « Аве, Мария», абсолютно трезвый Андрюха вплетал голос своей гитары в перелив музыки Мишани и голоса Зои. Кабак молчал, слушая неземную музыку. Люди, переставшие на время быть ментами и бандитами, шлюхами и торгашами, ставшие вновь людьми, молча, сидели, опустив взгляды. Музыка говорила о вечном. О душах, которые они забыли в погоне за миражом успеха и богатства. Плыла по грязному залу чудесная музыка, шел на улице чистый белый снег...

Она закончила петь, но казалось. Что песня еще летает чистым облаком по залу. Стояла мертвая тишина. Зоя сказала парню –« На сегодня хватит. Проводите меня домой. Я очень устала». Он, преклонив колено, поцеловал её, пахнущую табаком, руку и подал с вешалки куртку. Они прошли к выходу из ресторана, на чистую белую улицу. Ни он, ни она не заметили три серые тени, скользнувшие вслед за ними из кабака. Парень что – то рассказывал Зое, и она беззаботно смеялась, запрокидывая голову в небо, подставляя лицо снежинкам. Они свернули за угол. Там стоянка такси и дядя Коля ждет подгулявших клиентов. Вон и его ободранный « кабриолет»...

... Выстрелы разорвали тишину сонного переулка. Она увидела улыбку на лице парня и ползущую из уголка губ кровь. Он медленно оседал в краснеющий снег. Зоя хотела закричать, подхватить парня – но горячий молот ударил её в грудь. Мир вспыхнул и померк. Дядя Коля, отчаянно махая монтировкой, бежал к лежащим рядом телам. По его морщинистому лицу лились слезы. И столько ярости было в его крике, что бандиты не стали связываться со стариком. Они просто растворились в лабиринте переулков. Старый таксист упал на колени в снег и заплакал. Раздавались крики людей, где то выла сирена ментовского патруля. Он поднял голову и вдруг увидел – как на черном фоне неба, среди искрящихся хлопьев белого снега идут, держась за руки, две призрачные фигуры. Она смеётся, он нежно держит её прозрачную руку...

... Они вместе идут среди белых, искрящихся снежинок. Она смотрит в его лицо и нежно говорит « Не спеши. У нас впереди вечность»... « Вечность» кивает головой он и улыбается ей...

Психушка

Ветер гнул камыши к самой воде. Камышам не хотелось окунаться в ледяную воду Миусского лимана, и они сопротивлялись, как могли. Но ветер был сильнее и снова давал почувствовать свою волю. И тогда камыши шелестели. В их шелесте слышалась обида и боль. Боль по пропавшему лету и тёплому солнцу. Боль по крику птиц и всплескам огромных сазанов, теперь мирно ушедших на зимовку в коряжник. Низкие тяжелые тучи, с интересом, смотрели за играми ветра. Лиман был пуст. Лишь пара взбалмошных чаек кружилась над серыми волнами. Их крик прорывался сквозь вой ветра, создавая мелодию тоски. Страшной ноябрьской тоски.

Сергей Юрьевич Поляков сидел и курил, глядя в окно своего кабинета на лиман. В белой чашке, с видами Петербурга, давно остыл чай. Рыжая, сытая кошка дрыхла под засохшим фикусом, морща во сне нос от едкого табачного дыма бесчисленных сигарет. В кармане белого халата пискнул разрядившийся телефон. Незажженный свет и табачный дым создавали картину истинного мира. Мира последней предсмертной тоски. Мира такого, какой он есть на самом деле. Хотелось достать из сейфа, подаренную месяц назад, бутылку коньяка, выжрать её и загнать себе в вену пару кубов воздуха. Что бы взорвавшиеся сосуды мозга выпустили на волю душу из плена тела. Нда, суицидальные наклонности. Надо бы к психиатру. К Сергею Юрьевичу Полякову. Он рассмеялся, представив – как сам себя обследует и назначает аминазин. Но смех быстро утонул в вязком тумане тоски, ставшей хозяйкой его кабинета.

На столе лежали документы по финансированию больницы. Совсем не хотелось ими заниматься. Это продолжалось из года в год. Сытые наглые рыла чиновников, вкрадчивые голоса – « Ну Вы же понимаете... Финансирование недостаточно. Надо как то изыскивать резервы» Им было абсолютно плевать на рушащиеся стены и на то, что булку хлеба приходилось делить на двадцать больных. Только церковь и спасала. Батюшка привозил продукты и одежду, что жертвовали сердобольные прихожане. За счет этого и жили. Неопасных тихих психов спихнули родственникам, кто – то умер от « весёлой» больничной жизни. Но прибывали новые. И надо было как – то размещать и кормить поступивших больных людей.

Он был врачом по призванию. Из семьи потомственных интеллигентов, с вывернутыми по нынешним временам, понятиями о чести и совести. Поляков скорее бы разбил свою рано поседевшую голову о бетонную стену, чем взял бы деньги от « идущих в закос» бандитов. Хоть суммы предлагались и нереально огромные. Да он брал. Брал деньги у родителей призывников, не желавших, что бы их дети шли под пули во имя интересов правящей клики. Но часть этих денег он тратил на еду для больных. Жена, смотревшая « Берегись автомобиля» переводила взгляд с экрана на мужа. Потом тихо сказала « Я думала такой придурок, как ты – на свете один». Сергей опять рассмеялся, вспомнив её слова. Он – врач. Врач психиатрического стационара, в народе именуемого Дарагановкой. Так называлась деревня, возле которой стояла больница. Сколько вытерпели насмешек и издевательств её жители, когда называли в городе место своего проживания. Бедные люди, он снова хмыкнул. Кошка недовольно мяукнула во сне. Он потянулся к папке с документами и тут раздался стук в дверь.

В кабинет, распространяя волны перегара от паршивого самогона, ввалился санитар Палыч. Невысокий плотный мужичок, с улыбкой, от которой психи вжимались в стены и начали подвывать от ужаса. По больнице ходили слухи, что когда бешеная собака увидела Палыча, она взвизгнула и бросилась прочь. Всё может быть. Глядя в мутный омут глаз санитаря. Поляков верил этим рассказам. Рядом с этим человеком становилось как то не по себе. Он, с огромным удовольствием, уволил бы этого алкаша, но кто пойдет работать за жалкие гроши в больницу, в которой уже и украсть было нечего. Палыч вытащил из кармана пачку вонючей « Примы», закурил и прохрипел сквозь кашель –

— Слышь, Юрьич, там это... « комиссар» из семнадцатой к тебе просится. Я его приложил слегка, он юшку утер и по новой. Может его на «сульфу» посадить? Или просто отхренячить со всей пролетарской ненавистью? Он уже двое суток от жратвы отказывается. Сдох-

нет, гад – тебе ж отписываться. Как, почему... Ну, на « вязку» его али побеседуешь с другом Будённого?

Палыч заржал, скаля коричневые от никотина кривые зубы. Полякова, брезгливо пере-дёрнуло. Он холодно сказал « Постарайтесь не бить больных! Это, в конце концов – не по человечески! А с Чеботарёвым я побеседую. Свободны». Санитар вышел из кабинета, громко хлопнув дверью. В коридоре был слышен грязный зоновский мат. « Тоже мне нашёл человека!» прорывалось сквозь отвратительную симфонию мата. Сергей сжал в кулак побелевшие от ненависти пальцы. С каким удовольствием он бы утопил этого скота в лимане! Хоть миусские раки получили бы пользу от этой никчёмной жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.